

Не выдержав, он хотел заставить её замолчать, но её рот не закрывался, и слова, как горох, сыпались из него, каждое из которых ранило сердце А Ци. Не желая больше слушать, А Ци с яростью толкнул Чунь Жуй, и она упала на осколки разбитой посуды. Спина её промокла кровью, проступившей сквозь тонкую белую одежду. От боли её лицо побелело, рот открылся, но она не смогла вымолвить ни одного ругательства, лишь яростно смотрела на А Ци своими глазами, словно хотела его сожрать.

«Кровавый инцидент», вызванный чашкой птичьего гнезда, быстро распространился по Двору Вечной Весны. То, что изначально знали только Чунь Жуй и тётушка Мэй, за один день стало известно почти всем.

Чунь Жуй, не сдержав язык, получила суровое наказание от тётушки Мэй, превратившись из привилегированной служанки в низшую прислугу на кухне. Те, кто долго терпел её унижения, наконец вздохнули с облегчением, издеваясь и насмехаясь над ней.

Что касается А Ци, тётушка Мэй, учитывая его особый статус и неясность отношений с господином Хуалином, столкнулась с дилеммой. По правилам, он должен был быть строго наказан, но сначала ей нужно было понять, насколько важен этот человек для Хуалина, чтобы определить степень наказания.

— А Ци, иди за мной.

Тётушка Мэй позвала его, и он последовал за ней, не ожидая, что она приведёт его в комнату Ань Жуна.

На одежде А Ци остались следы птичьего гнезда, теперь уже высохшие, оставляя грязные пятна разной степени интенсивности. На шее, ниже воротника, остался красный ожог.

А Ци не хотел, чтобы тот человек видел его в таком жалком состоянии, поправил одежду, поднял воротник, чтобы скрыть покраснение.

Ань Жун, очевидно, уже заметил это, но не придавал значения, лишь мельком взглянув и отведя взгляд, как на что-то несущественное.

— Хуалин, мама не хотела тебя беспокоить, но сейчас об этом знают все в нашем заведении, и мне трудно решить, что делать...

Сердце А Ци сжалось, он боялся услышать обидные слова из уст Ань Жуна, но в то же время тайно надеялся на что-то приятное. Он ждал, отбросив все мысли, сосредоточившись только на том, что скажет этот человек...

Глаза Ань Жуна стали холоднее, и он, вместо гнева, усмехнулся:

— Что, по мнению других, связывает меня с ним?

Тётушка Мэй, всегда находчивая, уже поняла недовольство Ань Жуна. Очевидно, он не хотел иметь ничего общего с такими, как А Ци, и, подумав, решила, что это было всего лишь временное развлечение от одиночества, но этот раб-черепашка воспринял всё всерьёз. С таким пониманием всё стало проще.

— О чём ты говоришь, конечно, ничего особенного. Сегодня мама была не права, я сейчас уведу А Ци и строго накажу его, а ты отдыхай.

Жалкий вид и жалкое сердце. А Ци поднял голову, внимательно глядя на Ань Жуна, его глаза покраснели, и, наконец, он заговорил:

— В прошлом месяце ты трогал мою вещь.

С робостью он указал на ложе Ань Жуна.

— Помнишь, я стоял на коленях, держа твою вещь во рту, на полу было холодно, колени болели...

— Хлоп!

Тётушка Мэй подошла и дала А Ци пощёчину, звонкую и резкую. Щека А Ци сразу опухла.

— Замолчи, рабу не положено спорить с хозяином.

Тётушка Мэй снова повернулась к Ань Жуну с улыбкой.

— Ты отдыхай.

Тётушка Мэй потащила А Ци к двери, но он не сдавался, взмахнул рукой, и она упала на пол, получив удар. Её лицо покраснело и посинело от невыносимого гнева. Первоначально наказание А Ци должно было быть лёгким, но теперь, видимо, оно будет суровым. Зная характер тётушки Мэй, она, вероятно, сдерёт с него кожу.

А Ци бормотал что-то невнятное, не мог говорить, и вдруг с грохотом упал на колени:

— Мне больно, мне больно в сердце...

Сказав это Ань Жуну, А Ци разрыдался, его голос был громким, словно он был на грани срыва.

Даже сводня, стоявшая рядом, была шокирована, видя, как мужчина может плакать так отчаянно. Глаза Ань Жуна потемнели, его пальцы слегка дрогнули, но он ничего не сделал. Когда А Ци устал плакать, он, наконец, посмотрел на Ань Жуна своими красными глазами и убежал.

Когда комната опустела, Ань Жун всё ещё стоял на месте, глядя на дверь, где давно уже никого не было...

После этого дня А Ци был брошен сводней в дровяной сарай, без капли воды. Цю Гуань, узнав об этом, прибежала на следующий день, но дверь была плотно заперта, окна заколочены досками. Это было заброшенное помещение, специально предназначенное для заключения людей, без света, где человек мог сойти с ума в этой тесной клетке.

— А Ци! А Ци! Это Цю Гуань! Ты слышишь меня?

Она яростно стучала в деревянную дверь, тряся её, в тишине апрельского дня её голос звучал долгим эхом.

— М-м... слышу.

Голод охватил всё тело, веки А Ци становились тяжелее, его голос был слаб, как шёпот комара.

— А Ци! Говори громче! Я не слышу!

— Найдите господина Лина...

— Что?

— Помогите... найдите господина Лина...

Его дыхание было слабым, А Ци почти два дня не ел, и у него не было сил говорить.

Цю Гуань услышала, и, хотя была шокирована, не стала задавать лишних вопросов. Она побежала на второй этаж, в комнату Ань Жуна, не постучав, вошла внутрь.

Ань Жун лежал на ложе, листая книгу, и его недовольство из-за её непрошеного визита было очевидно, он нахмурился:

— Выйди.

Цю Гуань, охваченная тревогой, запыхалась:

— Господин Лин, умоляю, спасите... А Ци...

— Бум!

Цю Гуань упала на колени.

— Умоляю, А Ци заперт в дровяном сарае, уже два дня не ел, он умрёт! Цю Гуань кланяется вам! Кланяется!

— Бум, бум, бум!

Неизвестно, то ли звук ударов её лба о пол раздражал Ань Жуна, то ли слова «он умрёт» затронули его, казалось бы, спокойное сердце, но он швырнул книгу в Цю Гуань:

— Вон отсюда!

Цю Гуань, получив удар по голове, не сдавалась:

— Господин Лин, А Ци послал меня умолять вас, проявите милосердие, спасите его.

Лицо служанки было залито слезами, её розовые щёки были мокрыми, и это зрелище раздражало Ань Жуна. Когда же даже служанка стала так предана ему? Ушёл А Шэн, появилась эта девушка, этот раб-черепаша действительно хорош.

В груди Ань Жуна вспыхнула ревность, но он сам этого не осознавал.

— Выйди.

Эти слова Ань Жун произнёс тихо, но с ледяным холодом. Цю Гуань подняла глаза, полные слёз, и поняла, что перед ней человек, которого невозможно умолить.

Последняя надежда исчезла. А Ци, ты ошибся, послав меня к этому человеку, это была большая ошибка. Лицо Цю Гуань было залито слезами, но она внезапно успокоилась, встала и вышла. Лучше молиться небу, чем человеку.

Глядя на плотно запертый дровяной сарай, Цю Гуань тихо села на ступеньки. Она боялась

издавать звуки, боялась, что А Ци услышит её возвращение и из последних сил спросит, пришёл ли господин Лин.

Дав ему надежду, но не сумев привести того человека, она боялась, что А Ци не выдержит.

Лёгкий ветерок подул, задевая её волосы, щекоча лицо, но внутри не было ни звука. Сердце Цю Гуань всё больше погружалось в отчаяние.

Когда А Ци связался с этим знаменитым господином Хуалином? Она не была глупой, в последнее время замечала странности в поведении А Ци, но никогда не связывала это с куртизаном, живущим на втором этаже. Возможно, Цю Гуань понимала, что такие люди, зарабатывающие на своей внешности, никогда не бывают искренними, тем более А Ци был всего лишь обычным рабом-черепахой. А Ци, ты что, дурак?

— Цю Гуань... Цю Гуань...

Изнутри раздался слабый, едва слышный голос. Цю Гуань не хотела отвечать, но он продолжал звать, и ей было больно это слышать.

— Да, я здесь.

— Он... он пришёл?

Ответом А Ци была долгая тишина. Нет... не пришёл? А Ци горько усмехнулся. Не удивительно, не стоит расстраиваться... Почему он послал Цю Гуань к тому человеку? Потому что в глубине души он всё ещё считал его своим мужчиной. Он был таким ничтожеством, во всём Гуанлине не найти второго такого труса.

<http://bllate.org/book/16237/1459447>